

Наталья Абакумова

**ПРОКЛЯТИЕ
НЕВЕСТЫ**

Призрак из прошлого

Наталья Абакумова
Проклятие невесты.
Призрак из прошлого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42624226

ISBN 9785449683854

Аннотация

В основе романа в стихах «Проклятие невесты. Книга 1. Призрак из прошлого» Натальи Абакумовой лежит легенда о проклятии графа Джеймса Максвелла собственной невестой. События книги разворачиваются во II половине XVIII века в столице Британии Лондоне и в заброшенном ирландском замке, снискавшем недобрую славу, вследствие печальных событий вековой давности...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	25
ГЛАВА 4	34
ГЛАВА 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Проклятие невесты Призрак из прошлого

Наталья Абакумова

© Наталья Абакумова, 2019

ISBN 978-5-4496-8385-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Поэзия – это моя жизнь. Причем поэзия сюжетная, независимо от того, малая это либо крупная её форма. Я счастлива, что являюсь продолжателем немного забытого, но от этого не потерявшего своего величия и значимости в литературе жанра романа в стихах...»

Наталья Абакумова 2010 г.

*Любезный друг, тихоня иль повеса!
В наш век осталась сказка не у дел,
И, потому лишь, автор захотел
Вернуть к ней вновь немного интереса!*

ГЛАВА 1

В туманной Англии, в былые времена,
От наших дней далёкие весьма,
Блистала среди юных знатных леди
Джесс Паркер. Эта мисс в столичном свете
Красавицею первой не слыла,
Однако леди Джессика была
Предметом грез любого кавалера:
Спокойный нрав, изящные манеры,
И титул баронессы. Интерес
Всех неженатых лондонских повес
Меж тем был обусловлен, несомненно,
Приданным Джесс. Отец ее отменно
Умел сходиться с нужными людьми,
И управлять делами. Часто дни
Наш Джером Паркер проводил вне дома —
Весьма широкий круг его знакомых
Обязывал к общению, но в делах
Не забывал о Джесс. Мисс на балах,
Устроенных отцом, внимала лести
Преследуемых завистью подруг,
Друзей, весь бал толпившихся вокруг,
Для коих танец с ней был делом чести,
Что часто было поводом для ссор.

**Наш мистер Паркер, на сужденья скор,
К тому же сам давал для сплетен повод
В трудах – пчела, в размолвках – хваткий овод;
Угодник дам, игрок, скандальный мот —
Но... он деньгам умело вёл учёт:
Приданное невесты и число
В него влюбленных день за днем росло.**

**Он пропадал в столице то и дело,
В то время как домашние умело
Вели поместье: не было числа
Послушным слугам – легче ремесла,
Казалось, нет, чем отдавать приказы.
Для Джесс труднее выбирать алмазы,
Рубины и сапфиры под наряд!
А платьев в доме – целый маскарад,
И дни в сомненьях длятся перед балом!
Не жизнь, а сказка! Под её началом
Те, кто ведёт дела её отца,
А сэ́р Джеро́м дотошен – без конца
Сам проверяет всех и вся в поместье.
Не дом – дворец, которому, без лести,
Завидовал тогда весь высший свет!
Конюшни, фермы, пастбища – расцвет
Во всё́м! Столица и богатство!
Мисс даже и не думала смущаться**

Окраины, где, собственно, жила:
Рай на задворках? – улица цвела!
С недавних пор дома английской знати
Росли здесь, как грибы. Красив и статен,
Наш сэр Джером к тому же был умён
И предприимчив: дом был удалён,
Притом весьма, от бурной жизни света,
Вот почему он, не спросив совета
Ни у одной в том сведущей души,
Скупил в округе земли за гроши,
Нанял артель рабочих самых лучших
И принялся за дело... Вскоре тучи
Его знакомых съехались на бал,
Своих гостей, заполонивших зал,
Наш сэр Джером позвал к себе в соседи,
И предложил всем господам и леди
Назавтра посетить аукцион.
И завертелось! Так как наш барон
Был лучшим гостем знати всей столицы,
Нашлось немало тех, кто поселиться
Мечтал к нему поближе. Все дома
Он тут же продал, и к тому ж весьма
Немало денег выручил за это.
Нет недовольных, всё вниманье света
Обращено на Паркерова опять,
И, вроде, больше не о чем мечтать!

У Джесс есть всё! Ну, это ли не счастье?!

Всё, в общем, безупречно, но отчасти...

Ведь Джессика роднее существа

По крепким узам кровного родства,

Чем сэр Джером и не имела боле,

Лишь год как мать, у недуга в неволе,

Скончалась, угасая как свеча.

Барон недолго смог блюсти печаль —

Не дав семье оправиться от горя,

Удар другой, приведший к долгой ссоре,

Нанёс отец, совсем забыв о Джесс:

Дочь знала Кэрен, этот интерес

К её отцу, казалось, был игрою.

Она была чуть старше Джесс, порою

Мисс Паркер удивлялась, встретив их

В гостях за разговором. Их двоих,

Увидел вскоре вместе на приёме

У короля весь Лондон. Только в доме

Вдруг появилась Кэрен, как жена

Её отца, и дочь, поражена

Предательством его, её бесстыдством,

Совсем замкнулась. С алчным любопытством

Совала миссис Паркер всюду нос,

В присутствии отца любой вопрос

От падчерицы к мачехе участие

Снискал бы верно, только очень часто,
Лишь мистер Паркер покидал свой дом
Всё изменялось: лад в семье на том
Сходил на нет. Увы, ни та, ни эта
Мириться не желали; сплетни света
Трубили о разладе и вражде.
Джесс изменилась, в скорби и беде
Ожесточилось сердце от обиды —
Отец её не слушал. Он не видел,
Свою жену такой, как вторит дочь!
Раскрыть обман никто не мог помочь!

Назло отцу и мачехе она
Ничтожеством была увлечена:
Барт Локсли – граф, сомнительный делец,
Известный трус, мошенник и хитрец!
Не избежав злословий и насмешек,
Ушли друзья, но цел ещё орешек:
Не по зубам был Джесс такой пустяк —
Расстроить без того непрочный брак!

Барон лишь позже осознал потерю,
Ведь он любил мать Джесси, и, не веря
В то, что он стал безумно одинок,
Поддался чарам Кэрен. Но урок
Был извлечён, жена свой нрав раскрыла,

Она ведь только роскошь и любила,
И вмешивалась всюду и всегда.
И Джером Паркер чаще пропадать
Стал где угодно, только бы не дома:
Играл на деньги, ездил по знакомым,
Увлёкся чтением, дабы не скучать
В своих разъездах. Только замечать
Вдруг стали за бароном все и всюду,
Что стал он странным: вроде бы откуда
Влечение к книгам? – он их не терпел!
Теперь же он не мог и не хотел
В беседе поддержать иную тему...

А Джесс не разглядела в том проблемы;
Из мести ли, иль вправду, наконец,
Она не замечала, что отец,
Не пропускавший ни одной пирушки,
Предпочитавший общество подружки
Супруги новой болтовне пустой,
Стал одержимым призрачной мечтой.
Она не знала как, в какой момент,
И где был взят тот странный документ.
Семье тот факт был очень любопытен,
Но Джером Паркер был несносно скрытен —
Отец нигде не оставлял тетрадь:
Вносил в покои, собираясь спать,

Носил в камзоле, в личный саквояж
С вещами брал в очередной вояж.

Барон с тех самых пор прослыл невежей:
Забыл подруг и модные одежды,
Приятелей за карточным столом;
Балы, увы, оставили их дом,
И Джесс, с немой досадой и терпеньем,
Ждала в своих покоях приглашенья
От тех, кто раньше рад был, коль попал
К ней, Джессике, на лучший в свете бал!

А мистер Паркер часто и надолго,
Без кучера, один, в простой двуколке
Куда-то уезжал с пустой сумой,
А, возвращаясь, привозил домой
Десятки книг, замотанных в тряпьё, —
Истлевшее от времени старьё.
Спешил в читальне собственной закрыться,
И, бережно, страницу за страницей,
Днем или ночью в свете ночников,
Исследовал при помощи очков.

И вот однажды ночью он возник
В дверях читальни с новой связкой книг,
Снял мокрый дождевик с продрогших плеч,

Позвав слугу, велел камин разжечь,
Присев за стол, и, развязав тесьму,
Взял книжицу невзрачную одну.
Он их ни в коей мере не читал,
А только лишь, не торопясь, листал.
Вот, просмотрев издания половину,
Направился подбросить дров к камину,
А, поднимаясь, зацепил рукой...
Паденья стук, нарушивший покой,
Не разбудил домашних никого!
Что же смогло так напугать его?
Барон был бледен, руки взялись дрожью,
Боясь самообмана, осторожно,
Не чуя под собой разбитых ног,
Он наклонился вниз, поднял листок,
Поднёс к огню и, пробежав глазами,
Прижал к груди, сполз по стене и замер...

Что пчёлы в улье в трепетной листве,
Роились мысли в бедной голове:
«Письмо нашлось! Возможно ль? Быть не может?!
Оно иль нет? ... Оно! Конец итожит
Дианы подпись! ... Сердце так стучит!
О чём письмо? ... О роковой ночи!...
Диана признаёт вину в проклятье!
Раскаянье горячею печатью

Размыло строки, но напрасен плач:
Десятки лет, любви своей палач,
В монастыре покоится Диана,
А граф, образчик чести без изъяна,
Томится в шкуре дьявола во тьме!
Его уж нет, а значит только мне
Дано судьбой пролить на тайну свет!
...И ниже, наконец, раскрыт секрет:
«...Ключ замурован в замковой стене —
Над самым полом, в правой стороне
За шатким камнем дальнего угла,
В последней спальне левого крыла...»
Выходит, что не зря в безумье дней
Я не смыкал без усталости очей,
Искал всех тех, кто был в родстве с «проклятым»,
Где даром, где оплачивая златом
В немалых суммах, слепо веря в то,
Что до меня не пробовал никто
Найти несчастный, выцветший листок!
И вот свершилось!!! ... Путь ещё далёк,
И не теряя больше ни мгновенья,
Я отправляюсь в порт без промедленья,
Навстречу тайне, не боясь преград,
Туда, где слава и бесценный клад!».

И, взяв с собой заветный документ

**И кошелёк увесистый монет,
Барон покинул старую читальню,
На цыпочках прокрался возле спальни,
Лишь мимоходом поглядев на дочь,
И вышел вон в рыдающую ночь...**

ГЛАВА 2

Обида забывалась понемногу,
И сердце Джесс щемило от тревоги:
Как ей узнать, куда же, наконец,
Пропал так изменившийся отец!
Уже полгода он не появлялся,
Ни с кем перед отъездом не общался,
Никто не мог ей толком рассказать,
Что с ним стряслось и где его искать!
Барон так часто пребывал вне дома,
Что долгое отсутствие знакомым
Казалось нормой – он имел друзей
И за границей, потому вестей
Отсутствие всех близких не смущало.
Лишь Джессика подмену замечала
И знала о причине. Он не мог
Покинуть дом и Джесс на долгий срок,
Не сообщив об этом хоть кому-то!
Он заезжал всегда, пусть на минуту,
Целуя дочь, молил его простить...
И Джесси оставалось лишь грустить...

Но в тот момент, случайностей полна,
Войн Джесс и Кэрен новая волна

Лишила слуг желанного покоя.
Как будто пчёл разгневанного роя
Они боялись двух хозяек ссор:
Случалось так, что новый «разговор»
Был для слуги последним днём работы.
Когда обычно дамы «сводят счёты»,
Страдает всё: стекло, хрусталь, фарфор,
Потом же те, кто собирает сор,
Как правило, хоть в чём-то, но виновны,
И с лёгких рук хозяек, безусловно,
Кого-то могут выставить за дверь.
Вот почему у Паркеров теперь
Так часто и легко менялись слуги...

Обеих дам любимые подруги
Спешили дать им стоящий совет,
Ну, а наутро весь столичный свет
Был в курсе новостей и приключений,
Где без особых умозаключений
Всем было ясно, от чьего лица
Изложен факт с начала до конца.

Но вот однажды, тёплым ясным днём
В известный нам большой богатый дом,
Где Джесс в покоях собственных скучала,
Несмело незнакомка постучала.

Тотчас было доложено о том
И Джесс, и мачехе; и мисс впустили в дом.
Хозяйки думали, что странница к тому же
Несёт им вести об отце и муже,
Но дева, кроткой скромностью мила,
Племянницей пропавшему была,
А, стало быть, кузиной нашей Джесс.
Узнав, что её дядюшка исчез,
Мисс, сквозь слезу, поведала о том,
Как потеряла мать, отца и дом
В пожаре страшном раннею весною,
Как шла пешком под солнцем и луною,
К родне её почившего отца;
И не подняв несчастного лица,
Смирненно попросила об услуге
Обеих дам принять её в прислуги.
Не вняло сердце мачехи несчастью,
Не проявив малейшего участия,
Она велела гнать бедняжку прочь.
Но Джессика решила ей помочь,
И взять кузину под своё крыло
...без тени состраданья, лишь назло
Решенью мачехи, во имя продолженья
Развязанного ранее сраженья!

Кузину звали Мэри, двадцать лет,

Ей было отроду; как розовый букет
Нежна она была и столь прекрасна,
Что зависть Джесс сквозила ежечасно
Во всех ее приказах. Этот яд
Ей не позволил старый свой наряд
Отдать кухне, лишь уразумела,
Что даже он проявит в той умело
Все грани ее редкой красоты.
И дабы скрыть от всех ее черты,
Дала одежду слуг, тех, что недавно
Прогнали сторяча. Свою подавно
Носить кухня вовсе не могла,
Так как она испорчена была,
Ветха от долгих горестных скитаний.
При Джессике житьё – предел мечтаний
Оставшейся без крова сироты!
Преобразились юные черты,
Джесс, глядя на сестру, не раз жалела,
Но выгнать лишь за красоту, не смела.
И в радости для юной Мэри дни
Летели средь достатка и родни...

Кухине вскоре стало всё понятно,
А вывод не был лестным и приятным:
Тем, кем была она сейчас и где,
Обязана не чувствам, а вражде.

Меж двух огней бедняжка находилась:
Обеих дам приказы приходилось
Ей исполнять в ежеминутной спешке,
Снося при всём злословья и насмешки...

Летели дни среди трений и забот,
А, между тем, прошёл уж целый год,
Как наш барон покинул эти стены,
И в оправданье явственной подмены
Никто не видел писем, даже слух
Безмолвствовал, испытывая дух
Трёх юных женщин, потерявших друга —
Отца и дядю, доброго супруга.

Но вот однажды в этот славный дом
Пришло письмо, но то, что было в нём,
Прочесть могла лишь дочь, по той причине,
Что на конверте, еле различима,
Виднелась надпись: «Джесси от отца!»
Дочь не скрывала гордого лица,
И миссис Паркер вышла, хлопнув дверью.
Джесс рассмеялась. Буйному веселью
Пришёл на смену жгучий интерес.
Письмо казалось старым, но на вес
И оцупить было скучно безупречным.
Казалось, что посланье бесконечно

На солнце пролежало год как день,
И желтизны прилипчивая тень
Конверт клеймом бывшего осенила.
Какая-то неведомая сила
Вселила боль предчувствия в душе.
Единый миг, и в письменном ноже
Начертанные строки отразились.
Вот в сердце тайны острё вонзилось
И плен конверта разорвала сталь.
Запел, задетый лезвием, хрусталь;
Отложен нож. Дрожа от предвкушенья,
Мисс развернула лист; её сомненья
Рассеялись тотчас же, лишь она
Знакомых завитушек письма
Увидела; пошла к двери, закрылась
И в чтение посланья углубилась...

Тянулось время, мачеха со зла
Заламывала руки, вдоль стола
Ходила взад-вперёд, и только Мэри,
Молясь в душе, ждала сестру у двери...

Джесс ликовала, но улыбки свет
Невольно угасал. Пустой конверт
Как лист осенний закружил по кругу,
На ворс ковра спустился, и упруго

**Открылся угол, тайну оголя,
Явив на свет чужие вензеля...**

**А в тех строках нетвёрдою рукой
Барон молил дитя, презрев покой,
Оставить дом, и ехать в Максвеллхолл,
В Ирландию, на знаменитый холм,
Где возвышался замок, символ страха,
Своей невестой проклятого графа.
Она должна, гнетущей тьме назло,
Одна, пробраться в левое крыло,
Найти подвал, а в нём литые двери...
Всевышним клялся и просил поверить,
Что он вернуться сам домой не может,
И что лишь только Джесс ему поможет!**

**И, недоумевая от того,
Что за причины тяготят его,
В раздумье долго девушка сидела
И на письмо родителя глядела:
«Лист пожелтевший, смазана печать,
Исключена возможность отвечать,
И герб немного странный и тревожный!
Быть может шутка всё? Письмо подложно?
Но почерк-то отца, а не чужой!
Вот только он... какой-то не такой!**

**Дрожа, все буквы разбрелись по строчкам,
А на письме чернильных капель точки!
Так, будто он... не в силах написать?!
О, Боже! Я должна его спасти!!!».**

**Джесс, не колеблясь, приняла решение:
Она должна поехать! Вне сомнения,
Из всей родни он у неё один!
Ещё бы не мешало осадить
Его жену: открыть глаза барону
Теперь бы Джесс сумела! Бастионам
Не пасть без перевеса сил; мирить
Их невозможно тоже! Может быть,
Он, наконец, поймёт – любовь корыстна!
Да и любовь ли это??? Эти мысли
Дочь до отца пыталась донести,
Но он не слушал! Что ж! Теперь спасти
Его от бед он просит Джесс, не Кэрен!
А это значит, в той он не уверен,
И понимает, Джесс была права!
Она сто раз твердила те слова!
Отец молчал, как будто был согласен,
Но в рабстве цели всякий труд напрасен! —
Джесс не вняла тревоге, в том вина!**

И вот на радость мачехе она,

В Ирландию отправиться решила,
Искать отца. Мисс Паркер поспешила
В путь подготовить все в короткий срок:
Джесс наняла корабль, бриг «Восток»,
Купила два дорожных экипажа,
Взяла надежных слуг. Собрался даже
Ее жених, Барт Локсли. Друг-студент,
Историк, лорд, охотник до легенд
Уговорил его поехать вместе.
Лорд Крэнстон знал легенду о невесте
И юном графе, проклятом вовек.
Лорд Росс был очень смелый человек,
Он счел письмо довольно необычным,
И, как знаток, решил, что должен лично
Помочь мисс Паркер в поисках отца.
Лишь Мэрилин печального лица
Пытливый взор сестры не мог не видеть,
Ведь так, как Кэрен, их возненавидеть
Не смог никто бы – мачеха-змея
Не даст ей в доме дядюшки житья.

Джесс, прочитав в глазах её тревогу,
Взяла кузину в дальнюю дорогу,
С собой, ей намекнув притом,
Что Мэри – не прислуга, и о том
Что ею быть пришлось ей в доме дяди,

Не должен знать никто! Бравады ради,
На удивленье девушки, она,
«Любимою кузиной» названа
Была при всех, и Мэри показалось,
Что нет нарядов краше: ей досталась
Одежда Джесс, но впору и мила,
Лишь та, что в свете модной не слыла,
Никак не умаляя счастья Мэри.
Цветное платье, шляпка, нежный веер,
Прелестных туфель звонкий каблучок
Прекрасно сочетались, нипочём
Теперь казались тяготы дороги;
Лишь чувства Джесс, подвластные тревоге,
Сомненьям подвергали этот жест:
Теперь из двух на выданье невест
Вниманье привлекала та, что краше.
Но время шло, весов качались чаши,
И на места всё встало наконец.
Так искренна, привязанность сердец
Взяла своё, и сёстры подружились...

Мы отвлеклись, а путники томились
В салонах экипажей, их ждал порт.
Бриг принял груз, друзья взошли на борт,
И вскоре с верхних палуб корабля
Была видна ирландская земля...

ГЛАВА 3

Как только Джесси в Дублин прибыла,
Тотчас с визитом к Бакстонам пошла —
Друзьям отца, в беде небезучастным,
Что в их особняке гостили часто
В былые дни; узнать от них о том,
Не навещал ли он их милый дом.

Люк Бакстон, с нескрываемым волнением,
Поведал ей о странном поведении
Её отца, который навестил
Их год назад и с месяц погостил,
Но каждый день с утра и до заката
Без объяснений пропадал куда-то,
Являясь в дом лишь переночевать;
И, перед тем, как лечь в свою кровать,
Чтоб не прослыть бессовестным невежей,
Вселял в хозяев слабую надежду,
Что изменений ум не претерпел:
Вводил их в курс своих семейных дел,
Шутил, болтал о разных пустяках,
Но иногда, на паузе в словах,
Мелькал в очах его безумный пламень,
Но тут же гас, вновь превращая в камень,

Холодный взгляд родных когда-то глаз.
И вот однажды утром, пару фраз
Сказав им на прощание с порога,
Исчез в пыли просёлочной дороги...

Мисс поблагодарила баронета,
Пообещав ему, что этим летом
С отцом ещё раз навестят их дом,
И вышла вон, ловя себя на том,
Что, с каждым словом этого признанья,
Была готова потерять сознание...

Воспользовавшись Бакстонов советом,
Лишь новый день забрезжил алым светом,
Пополнив нужды в пище и питье,
В поросшей разнотравьем колее
Продолжили друзья нелёгкий путь.
Устраиваясь на ночь отдохнуть,
Для дам шатёр просторный разбивали,
Мужчины же в карете почивали,
А слуги охраняли у костра
Всех спящих вплоть до раннего утра.

Так в пятидневный срок без злоключений
Вдоль мутных вод стремительных течений
Реки ирландской под названьем Бойн,

**Свидетельницы праздников и войн,
Они добрались до земли желанной:
Неведомой, зелёной и туманной...**

**Под бледною завесой облаков
Вода мерцала в локонах кустов,
А меж холмов бесчисленных лежало
Белёсое, сырое одеяло.**

**Над ним, глядя бойницами вокруг,
Стеной зубчатой заключённый в круг,
Не потеряв величия былого,
Вздывая башни дьявольского крова,
Алел в закате дня очаг проклятья.
Холодным ветром путников в объятья,
Спускаясь с неба, заключила ночь,
И все, озябнув, поспешили прочь.**

**Пока не воцарилась темнота,
Не мешкая, решили господа
До Максвеллхолла спешно добираться,
Чтоб дамам лишний раз не оставаться
Под чёрным, хмурым небом ночевать,
А лечь в сухую, тёплую кровать,
Где дождь всевластен только за окном,
И до утра забыться крепким сном.**

Вот сумерки туманные сгустились,
У вывески друзья остановились,
Столь лестной для убогого двора:
«Сдаются для проезжих номера».
Измученные дальнею дорогой,
Они посовещались у порога;
И больше не желая в тьме ночи
Свою судьбу испытывать, ключи
От самых «лучших» комнат попросили;
Пожинали, свечи погасили,
И крепкий сон окутал старый дом...

Но вот уже сквозь завесь новым днём
Пробился внутрь света блик упрямый,
И, тем лучом разбуженные, дамы,
Пустились до окна вперегонки.
Под звонкий смех две юные руки
Освободили комнату из плена
Увядшей тьмы; тотчас же, ей на смену,
Ворвались внутрь слепящие лучи.

Совсем иной, чем в близости ночи
Им вид открылся сказочно-красивый:
Над строгой башней солнце в полной силе
Позолотило стен гигантский рост,

И, поражая мощью, старый мост
Над рвом глубоким каменной волною
Застыл в веках. Под замковой стеною
Зеркальный омут спрятался в траву,
Там лилий белоснежных на плаву
Меж гладких листьев искрилась армада.
Строений безупречная громада
Едва ль была ужасна и грустна,
Как та молва, что по свету слышна
О бедном графе, проклятом невестой.
И Максвеллхолл, и графское поместье
Лежали на вершинах двух холмов,
Над изумрудной зеленью лесов
Меж ними расстилался слой тумана —
Картина без единого изъяна
Притягивала взгляды всех гостей,
Предчувствие проклятий и страстей
Несовместимо было с этим раем!
И солнце, нежный глянец разливая,
Дарило сказку; красками полна,
Здесь билась жизнь, и тайны пелена
К себе манила путников всё пуще,
Очаровав видением цветущим...

По комнатам разлился запах чудный,
И сказку сновидений беспробудных

Все постояльцы спешно гнали прочь.
Не разглядевши дом в глухую ночь,
Мисс, ожидая завтрак, щебетали
В гостиной зале. Леди созерцали
Простую мебель: старый стол, скамьи;
Ступали на циновок полыньи,
Рассматривали старые гардины,
Неровный пол из свежей древесины;
Пытались за столом с недавних пор
Вступить с хозяйкой дома в разговор
И разузнать, кто сможет, не бесплатно,
Свести их к входу в замок и обратно.

При этой просьбе дрогнула рука,
Разбив кувшин парного молока,
Хозяйка, пятясь, бросилась из дома
И по тропе, ей хорошо знакомой,
Смутив господ, просивших лишь помочь,
Быстрее лани убежала прочь.

Друзья не понимали, что случилось:
Чем плох вопрос, и какова причина
Того, что здесь сейчас произошло?!
Открылся спор: что в ужас привело,
Ведь ясно, что в нужде живет семейство!
Но ход их мыслей оборвало действие,

Немало удивившее их всех:
В дом, под сомненье подводя успех
Спасения пропавшего барона,
Ворвались люди... Мысль об обороне
Весьма глупа! ... В чём можно их винить???
И как тут не вменить испуг и прыть
Хозяйки тем событиям в заслуги?!
К тому же всё оружие и слуги
От их хозяев очень далеко!...

Меж тем угрозы полились рекой,
И леди испугались не на шутку.
Но господа следили очень чутко
За каждым новым возгласом толпы.
Поражены коварностью судьбы,
Они сжимали пальцами эфесы,
Встав на защиту юной баронессы
И робкой Мери, Росс нахмурил взгляд,
А что до Локсли, то бедняга Барт
Дрожал как лист, что треплет лёгкий ветер,
А руки, что беспомощные плети,
Повисли, зацепившись за клинок
В богатых ножнах. Только некий прок
Был в этом жалком противостоянье —
Оружие, привлёкшее вниманье,
Немного охладило пыл толпы.

Но одержимы гневом и грубы,
Крестьяне криком разжигали смуту.
Однако, подчинившись вдруг кому-то,
Сброд замолчал. Послышались шаги.
Все расступились с робостью слуги,
Явив гостям виновника затишья:
Хозяина двора. Слова излишни:
О превосходстве говорило всё —
Орлиный взгляд тревожно пересёк
Весь угол, облюбованный чужими;
Лет шестьдесят, но рост и стать поныне
В нём сохранились до преклонных лет,
И этих сил и мудрости дуэт
Немного успокоил Джесс и Мэри.
А, между тем, холодным взглядом смерив
Тех, кто не ведал, в чём же их вина,
Хозяин молвил: «Господа! Сполна
Мы просим нам воздать за кров и пищу!
Хоть мы бедны, приветим даже нищих!
Но тем, кто нам подчас желает зла,
Не будет ни ночлега, ни стола!»

Джесс попыталась было возразить,
Мол, как они могли вообразить!
Но вдруг замолкла: на друзей её
Нацелилось хозяйское ружьё.

**Каким неожиданным не был ход событий —
Никто не пожелал кровопролитий:
Чужие молча лошадей впрягли
И вскоре скрылись в поднятой пыли.**

ГЛАВА 4

Друзья разбили лагерь на опушке.
Деревьев шелестящие макушки,
Казалось, щекотали облака,
И солнце, заслонённое слегка
Их молчаливым стадом бесконечным,
Спускалось словно нехотя, беспечно
Лучами отстраняясь от земли.

День был испорчен; слуги, как могли,
Скрывали беспокойство и смятение,
И в мысли мисс и спутников сомнение
В отсутствии грозящей им беды
Закралось после странной череды
Событий, что ясны были едва ли:
Кому б такой вопрос не задавали,
Все, испугавшись, убежали прочь.

К холмам неслышно подступала ночь,
Друзья в раздумье у костра сидели.
Казалось бы, до их заветной цели
Остался день приятного пути!
Она близка, но напрямик дойти
До стен высоких, сквозь лесную чашу,

**Увы, нельзя: деревья очень часто
Перемежают топи. Вход один —
Через его ворота, только к ним
Ведут в обход по лесу две дороги;
От поворота к замку до порога —
Мощёный камень, но лишь треть пути.**

**«Труд невеликий – днём нас провести
До башни, что виднелась то и дело
Над далью леса! Мы могли бы смело
Поехать сами, но, с течением лет,
Дороги от постигших замок бед
Исчезли; их следы забили травы,
Пал бурелом, и от недоброй славы
Они давно не езжены никем!**

**А в пешем ходе смысла нет совсем:
У леди – платья, туфли с каблуками,
Они не смогут нежными руками
Лес расчищать, чтоб было, где пройти;
Не заблудиться в чаще на пути,
Когда сокрыт ветвями камень башен!
В событий свете и ночлег там страшен:
Проклятье, звери, холод, топь болот!!!
Придётся трудно!...»**

Синий небосвод

**Мрачнел, встречая ночь закатом алым,
Вдруг чья-то тень чернильным покрывалом
Бесшумно расстелилась возле них.
Все обернулись, гулкий говор стих,
Сменяясь удивлением изрядным.
Напомнив инцидент весьма досадный,
Возник пред ними утренний вожак.
Его поклон, явив почтенья знак,
Насторожил господ еще сильнее.
Меж тем он молвил: «Слухи все страшнее
Ползут о вас и потому я тут:
Зря не трудитесь, к замку не пойдут
Те, кто живёт здесь, – все они боятся
На шаг единый к стенам приближаться!
Не так давно кого-то отводил
К его воротам наш лесник, О’Нил.
К нему вас приведёт вон та дорога.
Коль нет его, дождитесь у порога.
Лишь он один сумеет Вам помочь!»
И странный гость исчез из вида прочь.**

**Разлив багрянец в лёгких облаках,
Последний луч сторожку лесника
Раззолотил своим прощальным светом.
Она была пуста – хозяин где-то**

Бродил бесстрашно в девственных лесах.
Лесник вернулся поздно. Жуткий страх
Объял его, лишь он чужих увидел.
Джесс объяснила все, но тот предвидел,
О чем его попросят господа —
Однажды он уже ходил туда.

Лесник молчал, его усталый взгляд
На миг застыл, он явно не был рад
Возможности вернуться в эти стены;
И зная то, что нет ему замены,
Джесс подняла в цене, старик вздохнул.
Он колебался, думал... и кивнул.

Воспрянув духом и простившись спешно,
Мисс вышла прочь, лесник во тьме кромешной
Лёг отдыхать, но мысли в голове
Запутались, что ягоды в траве:
«Что ждёт его у проклятых строений?
Всё в первый раз прошло без приключений,
Туда, обратно – вроде бы пустяк!
Но отчего же мисс похожа так...?
Нет! Быть не может! Просто показалось!
Ну что за доля старику досталась!
Ведь он, бывавший часто в той глуши,
По долгу службы, за свои гроши,

Ходил годами словно бы под плахой!»
Знать жадность одержала верх над страхом...

Решили отправляться поутру,
Себя же вновь доверили шатру,
Карет сиденьям и густой траве;
А двое слуг в дымящейся листве
От мошкеры назойливой спасались
И сон хранить назначены остались...

Лишь солнце загорелось на востоке,
Его лучей звенящие потоки
Росы бесщётной утренний алмаз
Наполнили сияньем. Чуткий глаз
Кузин не уставал всем восторгаться,
Но вот пришла пора им собираться:
Томятся кони, упряжью звеня,
Друзей ждёт тайна, красками маня.

Лишь к вечеру два наших экипажа,
Из галерей природных вернисажей
Под мерный стук подков о гладь камней
По силуэтам сумрачных теней,
К зубчатым стенам замка выезжали.
Взгляд искушённой знати поражали
Обычных рук бессмертные творенья —

Из прочных скальных глыб сооруженья,
Чьи крыши, век встречавшие восход,
Пронзившие лазурный небосвод,
Поблекли от лучей; в изножье башен,
Весь древний камень серым мхом украшен,
Укрыт, как пледом, от туманных рос.
Казалось, облака во власти гроз
От замка пропитались черной пылью,
Темны как тучи; страшной давней былью
Сквозит от стен, и даже редких птиц
Пугает темень замковых бойниц.

Неслышно ночь в притихший лес вступала,
А у костра, чадающего устало,
Шёл страстный спор: из двух сторон одна,
Непониманьем всех раздражена —
Джесс – собиралась в замок. Не согласна
Она была – решительно и ясно
Дала понять, что сей же час они,
Взяв ружья и зажжённые огни,
Должны, не веря лживым пересудам,
Помочь барону; в девичий рассудок
Лились переживанья вновь и вновь,
Но здравый ум дочернюю любовь
Всё ж одолел, и Джессика смирилась:
Пошла в шатёр, легла и сном забылась,

**Дабы ускорить проблески утра,
Тот долгожданный миг, когда пора
Настанет отправляться в путь с рассветом.**

**Лесник же, уповая на беседу,
Шёл вслед за господами по пятам:
По близлежащим к лагерю местам
Бродили Росс и Барт в лучах заката,
И небо, алым пламенем объято,
Своим сияньем радовало глаз.
Старик насторожился: пара фраз,
Что легким ветром донесло случайно
Его повергла в ужас. Он отчаянно
Пробрался ближе к смелым господам
И затаил дыханье: «Вот беда...
Теперь молчат... Нет... Боже, что я слышу!!!
Их цель – подвал! Туда нельзя!!! Там... Тише...»
Он сам себе закрыл ладонью рот.
«Кричать у стен опасно... Кто поймет
Несчастливого бродягу, как не леди?»
Светило угасало. Цвета меди
Кайма багрянца оседала в лес.
Старик бежал обратно, словно бес
В него вселился – он кричал, всех спящих
Хозяев, слуг и стражей, сон хранящих,
Собрал полураздетых у шатра.**

Лесник пал ниц пред леди, блик костра
Вдруг осветил лицо в гримасе страха,
Дрожащий голос молвил: «В замок графа
Я, мисс, боюсь не в силах вас свести!
Лишь Бог отныне властен жизнь спасти
Прекрасной деве! Я, увы, не знаю,
Что движет Вами, только заклинаю:
Бегите прочь от этих старых стен!
Вся красота – обман, и замка плен
Вас заточит навек в ужасном чреве!
Смиренному рабу иль королеве
Один исход – забвение вовек!
Пред Вами бедный, старый человек!
И я прошу сочувствия к несчастью
Быть нищим, жить отшельником во власти
Лесной глуши... и выдать мне расчёт!»

Мисс Паркер чужд был мелочный учёт,
И, щедро награждённый за работу,
Он предоставлен был одной заботе —
Попасть скорее в свой убогий дом:
Через непроходимый бурелом,
Стремглав, в смятенье радости и страха,
Лесник с владений проклятого графа
Бежал от надвигавшейся беды
Сквозь заросли плюща и лебеды.

Мерцал на небе лик Луны взошедшей,
Удивлены весьма произошедшим,
Все разбрелись искать покой во сне,
Но разговоры долго в тишине
Звучали в чистом воздухе упруго.
Угомонились господа и слуги,
Забыв о волновавших мелочах;
И вот уже в искрящихся лучах
Выглядывает солнце из-за леса,
И исчезает редкая завеса
Ночных, поблекших в свете, облаков.
Из сна безвольных, сладостных оков
Крик громкий Росса Джессику выводит —
Он ищет верных слуг и не находит
Ни одного: ни женщин, ни мужчин.

Из всех весомых видимых причин
Ясна одна: от страха вся их свита,
Тряпьем господским обвязав копыта,
Бежала прочь в свободной из карет,
В другой, всех позже, не предвидя бед,
Уснули господа друг против друга.
Никто не заподозрил, что прислуга
Шепталась целый вечер неспроста.
Вещей, что можно дорого продать,

Попутно у хозяев прихватили,
А чтобы силой их не воротили,
Забрали весь ружейный арсенал.
Всё то, что нужно взять с собой в подвал:
Топор, ножи, плащи, мешки, верёвки,
Запасы пуль и пороха, винтовки —
Весь путь сюда вёз этот экипаж,
Вчера отряд отужинавший наш
Отложил подготовку до рассвета,
И вот сюрприз... Ещё при всём при этом
С кареты снят последний их фонарь,
Есть только факел...

Из друзей одна

Лишь Джесс как прежде верила в удачу,
Ведь там отец, он ждёт её! А значит,
Теперь уже не время отступить!

Решили, что должны голосовать:
Пойти ли так, махнув на всё рукою,
Иль обеспечить минимум покоя —
Найти, спустившись к городу втроём,
Хоть мало-мальски годное ружьё,
Оставив одного у экипажа,
Боясь повторной и последней кражи.
Друзьям другой кареты не найти,

А без неё не одолеть пути!

**Согласно большинству, по доброй воле,
Им выпала незавидная доля —
Отправиться в проклятый графский дом.
Барт возмутился: дело-то не в том,
Что надобно оружие найти!
Он вовсе не хотел туда идти!**

**Стремилось солнце вверх по небосводу,
Лишь горизонт пророчил непогоду.
Беднягу удалось уговорить,
А там, что Бог пошлёт, тому и быть...**

ГЛАВА 5

Взяв кое-что из нужных им вещей,
Укрыв в кустах карету и коней,
Вошли в ворота через старый мост.
Нестриженных деревьев дивный рост
Обнял аллею холодящей тенью,
А по краям благоухавшей сенью
К себе манил разросшийся цветник,
И алых роз горящие огни
Пьянили воздух нежным ароматом.
Сад одичавший, сплошь заросший мятой
И клевером, исполнен был нужды
Отдать земле созревшие плоды,
Что тяготили ветви яблонь весом.

Под шелестящим листьями навесом
Беседка, вся увитая плющом —
Годами тканым зеленью плащом —
Сокрыла с глаз людских скамьи, колонны,
Ажурный барельеф её фронтона,
И стол, и пол, фонтан, лишённый вод,
Из камня скал диковинных пород,
Чья гладь сквозь сеть живого покрывала
На солнце белым глянцем отливала.

Над зеленью листвы, бросая тень,
Вздымался замок. Вот деревьев сень
Оборвалась, и в ста шагах от сада
Открылось благолепие фасада:
Фигуры белокаменных зверей
У лестничного марша и дверей —
Львов изваянья. Времени теченье
Не умалило скульптора уменье.
Зло скалясь, стражи охраняли вход,
И солнце, завершившее восход,
Лучом играло в неподвижной гриве.

Все четверо, в волнующем порыве,
Стояли, не решаясь подходить.
Гармонии связующая нить
Изысканностью вкуса отличалась,
Такой же тон оттенка излучали
Ступени, балюстрады, блеск перил,
О мастерах немало говорил
Высокий портик. Там, поближе к свету,
Взбирался вьюн по стлавшемуся следу
Увядших прядей, гладь больших колон
На солнце отливала. Нежный звон
Издали каблучки о томный камень,
Дверная ручка – позолоты пламень-

Поддалась от нажатия руки;
И высохшие петли и крюки
Дверь отворили, слух пронзая стоном,
И гулким, многократным перезвоном
Вмиг прокатилось эхо в тишине,
Но в глубине парадной, в вышине,
Под самым потолком затихло вскоре...

В таком же белокаменном уборе
Широкая ступеней череда
Вела наверх; тому назад года
Гостиные там были; бальной залы,
Читален и столовых идеалы,
Где праздная бурлила суета.
А по бокам от лестницы гряда
Отдельных спальных комнат в коридоре,
Где дверь была на внутреннем запоре,
И гость любой мог ночью отдыхать,
Ложась на сон в пуховую кровать.

И, повернув налево из парадной
По сгнившему от времени изрядно
Паркету, все ступили в коридор,
Где в глубине подвал тревожил взор,
А в прорезь окон лоскутами света
Тепло вливало ласковое лето.

Казалось, что строению нет конца:
Разграбленные комнаты дворца,
Обставленные с роскошью когда-то,
Со вкусом знатока-аристократа,
Лишь украшали ключья паутин,
Обрывки потускневшие картин,
Обломки мебели под толстым слоем пыли,
Останки птиц, что в спешке позабыли
В ажурной клетке кучкою пера,
Истлевшие гардины, веера,
Тряпьё в шкафу с раскрытыми дверьми,
Которое, казалось, чуть возьми,
Рассыплется в руках мельчайшим прахом.

Лишь отголоски внутреннего страха
Вживляли беспокойство в ткань души:
Ведь кто-то здесь когда-то мирно жил,
Не ведая, что может приключиться!
Но что же это было? Поделиться
Мог только Росс – лишь он один всё знал,
Но до сих пор ещё не рассказал,
Ведь мисс ещё в пути его просили,
Но Росс смеялся: «Я помочь не в силах!
Я, леди, только факты и люблю,
А сказок, извините, не терплю!».

В последней спальне левого крыла
Почти никем не тронута была
Вся обстановка тех минувших лет.
Сквозь пыль времён смотрел на них портрет
Прекрасной леди в белоснежном платье;
Запястья, шею в нежные объятья
Схватили ожерелье и браслет,
Чьи камни изливали тот же свет,
Что и глаза – морской волны дыханье.
Вуалью грусти, явственной вниманью,
Застилась в красках взора бирюза,
И свежих рос чистейшая слеза
Природным бриллиантом в щедром свете
Мерцала ярко в мастерском портрете
На алой розы тонком лепестке,
Что в золотом отливавшем завитке
К виску прильнула, ангельские пряди
Касались плеч. Росс, любопытства ради,
Протёр низ рамы краешком платка,
И надпись обнажившая рука
Застыла, словно встретив штрих изъяна.
Лорд Крэнстон вслух прочёл: «Моя Диана».

Увиденным немало удивлён,
Росс хмурил брови; и не только он —

Все четверо молчали, и, похоже,
Их мучило сейчас одно и то же:
Весь замок был разграблен, только вот
Лишь в этой спальне уж который год
Стояла мебель. Пыльные гардины
Чуть пропускали солнце, и картины,
Висевшие на стенах в полутьме,
Притягивали взоры. Как во сне
Все созерцали их в немом волненье;
Как будто дней ушедших наважденье:
Старинный стол, комоды, зеркала
Так, будто эта комната была
Для гнусных мародёров недоступна.
Меж тем глаза угадывали смутно
Заметный беспорядок: тут и там
Вокруг валялся непонятный хлам,
Как будто кем-то в спешке обронённый:
Роскошный гребень, жутко искривлённый,
Раздавленный тяжёлым каблуком
Шкатулка, шпильки, треснувший флакон,
Давно забывший прелесть аромата,
Жемчужины, висевшие когда-то,
На нити, что разорвана была.
Но отчего-то видно не смогла
Собрать их до единой жадность вора!
Что же случилось, отчего же свора

Грабёж не довершила до конца!?
Их что-то напугало – горсть свинца
И дюжий ствол за крепкими плечами
Помочь им не могли! Что развенчало
Успешный план, возможно, объяснит
Лишь спуск в подвал...

Подвал!!! Он был забыт
По мере приближения к ответу:
Причину, в путь влекущую по свету,
Затмила впечатлений череда.
И при осмотре время, что вода
Сквозь пальцы пробежало незаметно,
И, верно, час, ушедший безответно,
Потрачен был на этот коридор,
Но от унылых сцен уставший взор
Был рад его массивной старой двери.

И вот уже, бесстрашен и уверен,
Росс Крэнстон первым сделал шаг вперёд.
Молясь за положительный исход,
Друзья открыли дверь во мрак подвала.
Холодный ветер пролетел по залам,
Обдав дыханьем ледяным гостей.

В слепую тьму неведомых страстей

С дверей раскрытых влились пряди света,
И, отлив гигантских силуэтов
Людей входящих грозные черты,
Явили взору тайны пустоты:
Там, еле различимы, от порога
Вели ступени к земляной дороге,
Пролёгшей узкой лентою меж стен,
Где на одной старинный гобелен
Вдали виднелся радугой просвета
Меж чёрных стен, давно не знавших света
Под толщей камня; но проём двери
Скупым сияньем солнца одарил
То, вовсе неизвестное творенье,
Чьи краски от лучей прикосновенья
Взыграли в полном цвете красоты;
И, дабы различить во мгле черты,
Зажгли последний факел у порога,
И глинистою мягкою дорогой
Отправились в неведомую тьму.
Тот дивный холст в струящемся дыму,
Потрескивавшим пламенем расцвечен,
Был очень стар и потому увечен:
Жестоко время к яркой красоте.
И гобелен в безликой пустоте
Весь почернел от сырости нещадной,
Провис и ткань, прогнившая изрядно,

Местами хладный камень обнажила,
Но мастерство друзей заморозило,
И вскоре незаметен стал ущерб.
С порывом ветра дверь сокрыла щель,
Беззвучным соло пламя заиграло,
И в диком танце тень возликовала
На древних стенах.

Вот глазам видна
Небес, изливших свет, голубизна,
Диск солнца благодатного в зените,
Под ними графства стройная обитель:
Полна людьми, торжественна, светла;
И, по всему заметно, силы зла
Ещё не вторглись в этот славный дом.

На воздухе, за праздничным столом
И в каменной беседке у фонтана
Сидели улыбавшиеся дамы,
Услужливых господ влюблённый рой
Вокруг них вился, то остря порой
То вдруг шепча им пылкие слова,
От коих опускалась голова,
Смущался взор, и белый мрамор лика
Окрашивал румянец. Превеликим
Застольем пировал и бедный люд —

Ремесленник, крестьянин – всяк был тут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.